

П. Лавров

Из рукописей девяностых годов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Лавров**
Из рукописей девяностых годов / П. Лавров – М.: Книга по Требованию, 2013. – 76 с.

ISBN 978-5-458-54510-5

ISBN 978-5-458-54510-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОГДА И ТЕПЕРЬ.

По поводу пятидесятилетия смерти М. Ю. Лермонтова.

(Читано 21 3 ноября 1891 г въ Парижѣ въ собраніи
созванномъ русскими студентами)

Общество русскихъ студентовъ въ Парижѣ пригласило меня сказать нѣсколько словъ по поводу полувѣка, прошедшаго со времени смерти одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Благодаря за приглашеніе, которымъ меня почтили, мнѣ казалось, что при этомъ общество студентовъ, обращаясь ко мнѣ, могло имѣть въ виду не оцѣнку художника слова, о которомъ было говорено и писано уже очень много людьми, гораздо болѣе меня компетентными въ этомъ отношеніи, но желало, можетъ быть, услышать нѣсколько словъ о томъ, на сколько грозные общественные вопросы нашего времени, фатально заслоняющіе въ глазахъ нашихъ развитыхъ современниковъ эстетическіе и психологическіе интересы, предвидѣлись или хотя бы предчувствовались уже за полвѣка тому въ образахъ и настроеніяхъ, вызванныхъ великимъ поэтомъ, въ движеніи мысли, его окружавшемъ, а отчасти и создавшемъ его. Моихъ слушателей могъ интересовать и тотъ вопросъ, на сколько наше *теперь*, сравнительно съ тѣмъ, что мы понимаемъ подъ словомъ *тог-*

да, видоизмѣняетъ задачи, стоявшія предъ замѣчательными умами начала 40-выхъ годовъ, и возлагаетъ на развитыхъ людей начала 90-хъ нравственныя обязанности, не существовавшія для нашихъ предшественниковъ. Если я угадалъ цѣль устроителей этого собранія, то вопросъ, стоящій теперь передо мною, вполне опредѣленъ и тѣсно связанъ съ тѣми, которые я въ нынѣшнемъ году имѣлъ уже два раза случай разсматривать передъ здѣшнею аудиторіею. По поводу смерти одной изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ соотечественницъ мнѣ приходилось тогда говорить о современномъ положеніи развитой женщины въ Россіи. По поводу смерти двухъ искреннихъ участниковъ идейной борьбы въ нашей литературѣ за будущее нашего отечества я пробовалъ дать очеркъ ряда задачъ, возникавшихъ одна за другою предъ послѣдовательными поколѣніями развитыхъ людей нашей родины. Сегодня мнѣ хотѣлось бы противоположить два достаточно отдѣльных пункта этой эволюціи русской мысли и жизни въ ихъ традиціонной зависимости. Но въ то же время мнѣ хотѣлось бы указать и ихъ разницу, зависящую отъ того, что исторія общества, точно такъ-же какъ эволюція отдѣльной личности, не возвращается назадъ и, обогащенная опытомъ, ставитъ передъ тѣми, кто въ ней участвуетъ, или совсѣмъ новыя задачи, или прежнія, но болѣе или менѣе видоизмѣненныя. Располагая незначительнымъ временемъ, я постараюсь лишь вкратцѣ коснуться вопросовъ, на которыхъ я наиболѣе останавливался въ предыдущихъ собраніяхъ.

1. ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ.

Передъ нами великій художникъ, одаренный тою впечатлительностью, которая не позволяетъ ни одной доступной ему характеристической чертѣ современной ему эпохи пройти незамѣченною передъ его наблюдательнымъ взглядомъ. Предъ нами эпоха 30-хъ годовъ, которую пережилъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ

возрастъ отъ 16 до 26 лѣтъ, чтобы пасть жертвою нелѣпой дуэли въ началѣ 40-хъ. Это—эпоха, въ которую европейская реакція, послѣдовавшая за бурными годами первой Французской революціи и наполеоновскихъ войнъ, начала снова пробуждаться къ сознанію, что *дѣйствительный* революціонный періодъ не только не законченъ, но едва ли начался. Какъ отразилась эта сложная переходная эпоха въ мысли поэта? Чтѣ угадалъ онъ изъ ея характеристическихъ чертъ и изъ тѣхъ элементовъ, которые для нея казались первой важности, но были, въ дѣйствительности, лишь временною рябью на волнахъ исторической рѣки? Чтѣ угадалъ онъ въ зародышахъ задачъ нашего времени, тогда уже существовавшихъ?

Дѣлаю небольшое отступленіе. Романтическая мысль приписываетъ поэтамъ и художникамъ высшія, какъ-бы пророческія, способности провидѣнія прошедшаго, настоящаго и будущаго въ ихъ истинномъ значеніи и смыслѣ. Современная реалистическая психологія склонна къ тому, чтобы отрицать всякую способность доходить до пониманія вещей и событій внѣ метода тщательнаго аналитическаго ихъ изученія и осторожнаго систематическаго построенія. Можетъ быть истинная роль художественнаго угадыванія заключается между этими крайностями. Художникъ и поэтъ такъ-же часто ошибается и даже прямо искажаетъ истину, какъ всякій другой смертный, не опирающійся на науку и послѣдовательную критику. Но его способность улавливать характеристическія черты образовъ и настроеній, имъ воспринимаемыхъ изъ окружающаго его міра, иногда позволяетъ ему, даже при очень недостаточномъ умственномъ и нравственномъ развитіи, угадывать комбинаціи явленій, которыя ускользаютъ отъ методическаго анализа ученаго критика въ своей отдѣльности, и по тому самому не входятъ въ его систематическія построенія. Художникъ же, непосредственно воспринимающая цѣльную комбинацію и крупныхъ, и едва замѣтныхъ явленій, имѣетъ возможность въ иныхъ случа-

яхъ уловить гораздо ближе дѣйствительный смыслъ историческаго течения даже тогда, когда ни его умственныя силы, ни его нравственное развитіе не позволяютъ ему ни понять этотъ смыслъ, ни, тѣмъ мѣнѣе, разглядѣть свои нравственныя и гражданскія обязанности, которыя были бы обусловлены подобнымъ пониманіемъ у болѣе развитой личности.

Только съ этой точки зрѣнія я считаю возможнымъ говорить объ отраженіи въ художественныхъ произведеніяхъ истиннаго характера настоящаго и будущаго данной эпохи, совершенно независимо отъ общихъ чертъ біографіи художника и отъ множества такихъ его произведеній, въ которыхъ онъ является или представителемъ вымирающихъ традицій, или сторонникомъ вполне случайныхъ и даже патологическихъ общественныхъ увлеченій.

Для поэта, въ память котораго мы собрались здѣсь сегодня, мы имѣемъ общую характеристику его личности, сдѣланную такимъ замѣчательнымъ цѣнителемъ, какъ Бѣлинскій, въ частномъ откровенномъ письмѣ:

„Глубокій и могучій духъ! Боже мой, какъ онъ выше меня по своимъ понятіямъ и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ! Каждое его слово — онъ самъ, вся его натура, во всей глубинѣ и цѣлости своей“.

Этотъ отзывъ дѣлаетъ еще болѣе интереснымъ для насъ вопросъ о томъ, какъ относился Лермонтовъ къ своему времени. Мы имѣемъ, по видимому, и вполне опредѣленный и сознательный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ стихотвореніи, которое знакомо каждому изъ васъ. Онъ говоритъ о „поколѣніи“ ему современномъ: „подъ бременемъ познанія и сомнѣнія въ бездѣйствіи составитъ оно“.

„Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ миромъ мы пройдемъ безъ шума, безъ слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой
Ни гениемъ начатаго труда“.

Для насъ тридцатые годы, для насъ весь періодъ

поэтической дѣятельности Лермонтова отъ 1828 по 1841 годъ есть уже историческое прошедшее, на которое успѣли наслопиться послѣдовательно нѣсколько десятилѣтій съ ихъ развертываніемъ того „грядущаго“, которое было „пусто и темно“ для взгляда поэта-современника. Мы спрашиваемъ себя: угадалъ ли онъ это грядущее? Угадалъ ли онъ его особенно въ тѣхъ строкахъ, которыя я только-что привелъ?

*
* *

„Ни мысли плодovитой, ни геніемъ начатаго труда“.

Можемъ ли мы согласиться съ этимъ пессимистическимъ приговоромъ? Не покажется ли онъ намъ несправедливо-строгимъ если мы станемъ припоминать отдѣльные факты?

Поэтъ совершенно естественно прежде всего другого могъ имѣть въ виду поэтовъ. Это было время, когда еще только что сошли со сцены Байронъ и Шелли и когда вся европейская поэзія находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ того протеста противъ реакціи 20-тыхъ годовъ, который неожиданно выросъ въ Англіи изъ романтическаго поклоненія художественному творчеству, протеста, который, на сколько дѣло идетъ о Байронѣ, выразился не только въ горькихъ или насмѣшливыхъ стихахъ „Каина“, „Манфреда“ и „Донъ-Жуана“, но и въ рѣчахъ въ Палатѣ Лордовъ и въ битвѣ за независимость подавленной національности. Это было время, когда престарѣлому Гете, какъ онъ самъ выразилъ въ стихахъ, переведенныхъ нашимъ поэтомъ, оставалось уже „немного ждать“, чтобы „отдохнуть“ вмѣстѣ со всѣми „горными вершинами“ и „тихими долинами“ міровой литературы. Олимпіецъ, повидимому, устранился отъ всего политическаго движенія, около него происходившаго; тѣмъ не менѣе въ послѣднихъ главахъ „Годовъ странствованія Вильгельма Мейстера“ отъ отозвался на картины социалистическихъ утопій, выдвинутыя задачами его времени. Это

было время, когда нѣмецкій романтизмъ, съ его политическимъ индифферентизмомъ и средневѣковыми симпатіями, перерождался въ насмѣшливые преднамѣренные диссонансы поэзіи Гейне, гдѣ, рядомъ съ личнымъ сенсуализмомъ и съ презрительнымъ отношеніемъ къ шлупутамъ тогдашняго либерализма, его окружавшимъ, поэтъ напоминаетъ современникамъ, что никакія таможи не останавливаютъ революціонную контрабанду, которая въ мозгахъ протестующихъ проникаетъ черезъ всѣ границы; онъ угадываетъ пѣсню ткачей, готовящихъ саванъ міру ихъ эксплуатирующему; онъ предсказываетъ Германіи революцію, ужасы которой превзойдутъ французскій терроръ 90-тыхъ годовъ прошлаго вѣка. А въ томъ самомъ Парижѣ, гдѣ писалъ Гейне свою эпопею медвѣдя и карикатуру Германіи, искрился и сверкалъ новый французскій романтизмъ, не оказавшійся способнымъ переродиться ни въ общественный протестъ байронизма, ни въ разлагающую сатиру Гейне, ни въ пушкинское угадываніе реалистической поэзіи, романтизмъ театральный и обреченный на недолгое господство, но тѣмъ не менѣе, въ промежутокъ этого господства, оставившій въ европейской литературѣ и мысли, точно также какъ и въ нашемъ отечествѣ, довольно значительный слѣдъ. Можно ли сказать, что поэзія этого поколѣнія не дала потомству „ни мысли плодотворной, ни гениемъ начатаго труда“?

А если мы выйдемъ изъ области чистой литературы, если прислушаемся къ тѣмъ движеніямъ философской мысли, которыя тогда характеризовали университеты Германіи, зарождались во Франціи и въ Англіи, эпоха, о которой мы говоримъ, покажется намъ еще знаменательнѣе. Это было время, когда Огюстъ Контъ писалъ свой „Курсъ позитивной философіи“, когда въ мысли Джона Стюарта Милля подготавливалась его „Система логики“, и предъ этими, мало замѣтными тогда, зародышами будущаго обваруживалась вся фальшивость и бессодержательность французскихъ эклекти-

ковъ, изящество и театральность лекцій которыхъ объ „истинномъ, прекрасномъ и благомъ“ увлекали тогдашнюю молодежь такъ-же временно, какъ романтизмъ Гюго и Ламартина. Но эпоха, о которой я говорю, особенно замѣчательна въ Германіи. Въ началѣ 30-хъ годовъ умеръ Гегель. Это былъ какъ-бы официальный философъ прусскаго государства, но, въ виду своего консерватизма, отрицая всякій политическій либеральный эмпиризмъ, онъ потребовалъ отъ своихъ учениковъ, чтобы они признали дѣйствительнымъ лишь то, въ чемъ воплощается идея въ различныхъ фазисахъ ея развитія. Во имя этой идейной дѣйствительности, вслѣдъ за его смертью, цѣлая группа его учениковъ, вдумавшись въ слова учителя, подвергла неумолимой критикѣ его собственные консервативные выводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту фальшивую эмпирическую дѣйствительность, которая воплощалась въ христіанство XIX-го вѣка, въ систему государства, созданную Меттернихами, въ современный имъ общественный строй, какъ тотъ, который опирался на „пріобрѣтенныя права“ господствующихъ классовъ, такъ и тотъ, который утописты начала вѣка, Сень-Симоны, Фурье, Оуэны, предлагали въ своихъ построеніяхъ, какъ идеаль будущаго. Метафизическій идеализмъ и консерватизмъ Гегеля, при помощи его же пріемовъ мысли, на основаніи основныхъ требованій его же метода, почти разомъ перешелъ въ новый историческій реалистическій матеріализмъ и въ научный революціонный социализмъ.

Началось съ критики религіи, Это было естественнымъ слѣдствіемъ той роли, которую протестантизмъ игралъ въ развитіи Германіи. Это было сообразно и съ исторіей развитія европейской мысли вообще. „Критика религіи,—писалъ Карлъ Марксъ въ своемъ „Введеніи въ критику философіи права Гегеля,“*) — первая глава всякой критики“. Исторія мысли новой Европы

*) Стр. 27 русскаго перевода. — О роли протестантизма см. Предисловіе къ этому переводу.

началась съ перехода европейской цивилизаціи отъ принципа общества, опирающагося на религію, къ принципу общества свѣтскаго. Логическое развитіе идеи свѣтскаго общества ставило передъ нимъ, одинъ за другимъ всѣ тѣ вопросы, которые характеризовали въ послѣдніе три столѣтія исторію мысли Европы и Америки. Новыя задачи, возникавшія и возникающія передъ борцами за лучшее будущее человѣчества, предполагали и предполагаютъ вопросъ религіозный устраненнымъ съ точки зрѣнія общества чисто свѣтскаго. Великіе мыслители 30-хъ и 40-хъ годовъ, Фейербахи и Конты, Штраусы и Бауры и занялись окончательнымъ устраненіемъ религіозно-христіанскаго элемента изъ мысли новой Европы.

Въ самой срединѣ 30-хъ годовъ появилась знаменитая книга Штрауса, вооруженная самымъ строгимъ аппаратомъ эрудиціи, и перенесшая всѣ христіанскія вѣрованія въ область миеовъ. Въ годъ смерти Лермонтова появилась „Сущность христіанства“ Лудвига Фейербаха, вскрывшая реальныя натуралистическія и антропологическія основы той лженауки богословія, которое для всего христіанскаго міра выставлялось какъ сверхъестественная, таинственная мудрость. Въ Тюбингенѣ выступила цѣлая школа ученыхъ критиковъ, развернувшихъ передъ развитою публикою смыслъ новозавѣтной литературы, какъ результата исторической борьбы двухъ партій. На почвѣ этого окончательнаго разрушенія для развитыхъ людей Европы самыхъ основъ переживанія христіанства въ новой Европѣ, стала разрастаться та критика государственныхъ и общественныхъ формъ, которая въ сороковыхъ годахъ вызвала цѣлую литературу публицистики и беллетристики, подготовлявшую и подготовившую взрывъ 1848 г. и манифестъ коммунстовъ.

Рядомъ съ этимъ энергическимъ ростомъ критики, приложенной къ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, какъ патологическая вѣтвь того же самаго отрицанія религіозныхъ, метафизическихъ и общест-

венныхъ основъ существовавшаго строя, выдвинулось въ томъ же поколѣніи ученіе пессимизма, то связанное съ общественнымъ протестомъ байронизма, то проникнутое субъективной болѣзненностью Леопарди и его школы, то, наконецъ, опирающееся на метафизическое міросозерцаніе Шопенгауера, какъ рѣзко враждебное оптимистическому идеализму тѣхъ, кого онъ называлъ „тремя лжецами“, т. е. Фихте, Шеллинга и Гегеля; міросозерцаніе, сперва незамѣченное и пренебреженное, но которое, вскорѣ, вслѣдъ за неудачею взрыва 1848 г., должно было стать чуть-ли не господствующею метафизикою новой Германіи.

Это ли поколѣніе, которое жило самой энергической жизнью философской мысли, можно назвать поколѣніемъ „не бросившимъ вѣкамъ ни мысли плодovитой, ни геніемъ начатаго труда“?

А я еще не коснулся тѣхъ громадныхъ завоеваній, которыя сдѣлала въ это время чисто-научная мысль и въ области естественныхъ, и въ области историческихъ наукъ, именно та научная мысль, которая выставила цѣлый рядъ великихъ эмпириковъ и специалистовъ. Но это движеніе могло не имѣть вліянія на человѣка, бывшаго очень недолго воспитанникомъ университета и затѣмъ брошеннаго судьбою въ толпу кутилъ Школы подпрапорщиковъ, индифферентныхъ ко всякой спеціальной наукѣ и эрудиціи.

Но не была ли рассматриваемая эпоха нищею въ области мысли для нашего отечества?—Мнѣ достаточно напомнить вамъ, что тогда Пушкинъ писалъ свои самыя выработанныя поэтическія произведенія; что, подъ вліяніемъ его реализма, тогда выступилъ Гоголь съ натуралистическими произведеніями еще болѣе ясно характеризованными; что это было время, когда руководителемъ русской мысли явился Бѣлинскій, когда спорили о гегелизмѣ и о всемъ, что входило въ его обширную область, кружки, въ которыхъ присутствовали молодые Герценъ, Огаревъ, Грановскій, Станкевичъ, Бакунинъ. Нѣтъ; и къ нашему отечеству непримени-

мо, по видимому, то осужденіе въ недостаткѣ „плодотворной мысли“ и „труда, начатаго гениемъ“, которымъ характеризовалъ Лермонтовъ своихъ современниковъ.

Слѣдуетъ ли, поэтому, отнести характеристику поколѣнія 40-хъ годовъ, которую далъ поэтъ, къ тѣмъ слабымъ сторонамъ его мысли, гдѣ онъ не былъ „глубокимъ и могучимъ духомъ“, но стоялъ далеко „ниже“ критика, ему удивлявшагося?

*
* *

Едва ли подобный приговоръ былъ бы болѣе справедливъ относительно русскаго поэта, чѣмъ только что разобранный приговоръ Лермонтова относительно значенія работы мысли въ 30-хъ годахъ нашего вѣка. Но точно ли эту работу мысли поэтической, философской, научной имѣлъ въ виду тревожный пѣвецъ „Думы“, бросая „презрительный стихъ“ своему поколѣнію?

Угадываніе художника важно намъ не въ тѣхъ областяхъ, которыя видны всякому лѣтописцу литературы, а въ тѣхъ, гдѣ характеристическія черты выступаютъ во множествѣ мелочей, едва замѣтныхъ или вовсе не замѣтныхъ для подобнаго лѣтописца, сливаясь болѣе въ общее настроеніе лица и общества, чѣмъ въ опредѣленные событія и дѣйствія.

Вчитаемся снова въ стихотвореніе, мною упомянутое, какъ это и сдѣлали уже ранѣе меня нѣкоторые изъ самыхъ проникательныхъ критиковъ нашей современной литературы.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя обвиненія Лермонтовымъ его поколѣнія:

„Въ бездѣйствіи состарится оно...
Къ добру и злу постыдно равнодушны..
Предъ властію презрѣнныя рабы...
Ко гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы...
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда..“

Припомнимъ слова Бѣлинскаго о „цѣльной“ личности Лермонтова, о томъ, что „онъ самъ“ былъ въ каждомъ своемъ словѣ. Припомнимъ его біографію, свидѣ-